

Красильников Сергей Александрович

д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета, зам. директора Института истории СО РАН

"Репрессивный вектор" науки в восточных регионах страны [1]

Будучи частью социального института науки, теснейшим образом интегрированного в сложнейшую ткань социально-политических условий, существующих в тот или иной конкретно-исторический период, научное сообщество, в т. ч. академическая его часть, в полной мере испытало на себе воздействие государственной политики, включая репрессивные аспекты ее проявления. Не являясь прямым инструментом государственной научно-технической политики, репрессии выступали своего рода вторым эшелонном, дополнительным инструментом, фоном при встраивании научных учреждений и коллективов в мобилизационный тип социально-политической системы, сформировавшейся в России (СССР) в постреволюционный период и приобретающих в отдельных случаях самостоятельное значение (формирование из числа лишенных свободы специалистов закрытых научно-технических учреждений, подведомственных спецслужбам). Репрессии в разных видах и формах, применявшиеся в отношении ученых, не носили массового характера, хотя и приобретали время от времени "точечный", целенаправленный характер, сопровождавший громкие общественно-политические кампании, связанные с пресловутой "борьбой с вредительством" (состоявшиеся или готовившиеся открытые политические процессы конца 1920-х - начала 1930-х гг., в т. ч. т. н. Академическое дело), с "лузинщиной" (1936) и др., напрямую отражаясь на деятельности целых научных коллективов, научных направлений и отдельных ученых [1].

Для восточных регионов фактор "репрессированной науки" имел на протяжении 1920-1950-х гг. двойное измерение и значение. В одном из них речь может идти о действиях власти в отношении собственно региональной, сибирской интеллигенции, работавшей в вузовском и отраслевом секторах науки, или научно-образовательных учреждениях, расположенных в Сибири. В условиях повышенной мобильности научно-педагогических кадров в постреволюционный период можно говорить о местных научно-педагогических кадрах прежде всего применительно к той их части, кто родился и получил образование в регионе, либо достаточно длительное время проработал к моменту репрессии в Сибири. О данной группе ученых существует, хотя и не очень обширная, исследовательская литература [2].

Другая группа представлена т. н. пришлыми учеными. Далее речь пойдет прежде всего о них, хотя мы коснемся судеб и ряда сибиряков. Данная публикация не претендует на новизну привлекаемой информации. Это скорее первичные контуры той работы, которая призвана показать место "репрессивного фактора" среди других, влиявших на структуру и динамику регионального научно-образовательного потенциала. Прежде всего необходимо отметить, что в условиях государственной централизованной науки кадровая составляющая являлась достаточно условной и подвижной величиной, типичный пример чего давала эпоха войн и революций с ее волнами эвакуации, беженства, эмиграции, реэвакуации и т. д. Здесь также имел место экстраординарный фактор - государственные репрессии. Оказавшиеся на востоке не по своей воле известные, а также начинающие ученые, находясь в условиях несвободы ссылки или лагерей, там и в той мере, где им предоставлялась возможность продолжать в

экстремальных условиях свою профессиональную деятельность, участвовали в развитии здесь научных исследований, становясь на время пребывания специфической, маргинальной группой научных кадров Сибири. Выход из маргинального состояния с возвращением в научное сообщество не был абсолютно закрытым, о чем свидетельствуют судьбы знаменитых ученых, прошедших через небезызвестные "шарашки" (С. П. Королев, В. П. Глушко и др.). Однако есть гораздо больше оснований для того, чтобы иначе оценивать жизнь и судьбу ученых в условиях несвободы. Прямой и разрушительной стороной репрессий становился крах научной карьеры, гибель или безвестность на протяжении нескольких десятилетий ряда известных ученых. Практически не поддается измерению то, насколько губительно сказывалось на науке и ученых разрушение творческих связей, целых научных направлений и школ, далеко не всегда восстановимых впоследствии. Сказанное справедливо и в отношении тех, чей потенциал так и не был раскрыт вследствие арестов, изоляции и гибели.

Другое замечание требует определения в отношении оценочных суждений о деятельности репрессированных ученых, в т. ч. и "невольных сибиряков". По аналогии с советской историографией, описывавшей жизнедеятельность "невольников царизма" в Сибири, политических ссыльных, существует устойчивый стереотип описать это и для советского периода в категории "вклада в научное и культурное развитие Сибири". Тем не менее, здесь необходима серьезная и даже принципиальная оговорка. Не ставя под сомнение значительную, а порой и ключевую роль репрессированных ученых в приращении научного и, шире, культурного потенциала региона, следует помнить о контексте их деятельности. Здесь отсутствовал основной компонент того, что именуется вкладом, - добровольность пребывания в регионе, творческая независимость и повышение социально-политического статуса в результате успешной деятельности.

Среди репрессированных ученых, значение которых в исследовании Сибири трудно переоценить, следует прежде всего назвать ученых-ресурсоведов (геологов, горняков, ботаников, почвоведов и др.). В этом ряду видное место принадлежит геологу и почвоведу Ростиславу Сергеевичу Ильину, известность которого в кругу специалистов всегда была высокой, однако для историков науки "осложняющим" в советское время фактором являлось его политическое мировоззрение. В прошлом он - активный эсер, после неоднократных арестов сосланный в 1927 г. в Нарымский край и превративший, по его собственным словам, ссылку в "научную командировку". Получивший по ходатайству акад. В. И. Вернадского разрешение отбывать срок в Томске, Р. С. Ильин был принят на должность почвоведом Томской переселенческой партии, совершая в дальнейшем длительные командировки, позволившие ему подготовить первое крупное научное исследование о природно-климатических условиях Нарыма [3]. Затем он занял должность доцента Томского университета и продолжал работу геологом Геолого-разведочного треста. Он внес вклад в разработку ряда крупных проблем (определение северных границ Кузнецкого каменноугольного бассейна, нефтеносности Западной Сибири). Так, еще весной 1932 г. Ильин обратился к руководству Западно-Сибирского геологического управления (позднее треста) с предложением организации экспедиции на поиск нефти, основываясь на длительном изучении Среднего Приобья. Возглавляемые им партии в 1932 и 1935 гг. не установили признаков нефтеносности Западно-Сибирской равнины, но Ильин считал открытие здесь нефтегазовых месторождений "только вопросом времени" [4]. Сам Ильин оказался в 1937 г. арестован по сфальсифицированному "делу" о якобы участии в "эсеровской шпионско-диверсионной террористической организации, действовавшей в

Запсибкрае". На следствии вел себя мужественно, свою "вину" не признал и был в том же году расстрелян [5].

С 1930 г. в Сибири возобновилась профессиональная деятельность горняка Николая Андреевича Чинакала, ранее успешно протекавшая в Донбассе (зав. отделом механизации треста "Донуголь"). Арестованный весной 1928 г., он вместе с группой управленческих и технических работников угольной промышленности проходил в качестве обвиняемого по знаменитому сфальсифицированному "Шахтинскому делу". Получив по приговору 6 лет заключения, Чинакал отбыл только часть срока. Еще находясь в заключении, он был привлечен к работе по своей специальности в закрытом бюро в Москве под эгидой ОГПУ [6]. В 1930 г. его отправили в ведение полпредства ОГПУ по Сибкраю, и далее назначили главным инженером в проектно-строительное бюро в Новосибирске. После досрочного освобождения в 1933 г. работал в учреждениях и на шахтах угольной промышленности Кузбасса, где в середине 1930-х гг. спроектировал и опробовал в производственных условиях ставшую знаменитой передвижную щитовую систему крепления при разработке мощных крутопадающих пластов угля, за создание которой был в 1943 г. удостоен Сталинской премии. В 1940 г. он приглашается в Томский политехнический институт в качестве профессора и зав. кафедрой нового шахтного строительства. С организацией Западно-Сибирского филиала АН стал директором-организатором Горно-геологического института, впоследствии Горного дела, в 1958 г. избран членом-корреспондентом АН СССР по вакансии Сибирского отделения.

Драматически сложилась в позднесталинский период судьба группы сибирских геологов, сотрудников Горно-геологического института ЗСФ АН и профессоров томских вузов Б. Ф. Сперанского, Ф. Н. Шахова, И. К. Баженова, А. Я. Булынникова, В. А. Хахлова, М. И. Кучина и др. В марте-апреле 1949 г. они подверглись аресту по сфальсифицированному т. н. красноярскому делу (за якобы сокрытие ряда месторождений и подрыв тем самым промышленности) и были осуждены постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 28 октября 1950 г. на длительные (15-25 лет) лагерные сроки. Решениями Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 марта и 10 апреля 1954 г. дело было прекращено "за недоказанностью состава преступления". Для Б. Ф. Сперанского, осужденного на 25 лет, это был второй срок (первый - 20 лет каторги - он получил за участие в анархистском движении, сидел с 1906 по 1917 гг.) и второе пребывание в "Бутырках" (1907 и 1949-1950). Ф. Н. Шахов свой срок отбывал в лагерях на Колыме, с 1952 по 1954 гг. работал в геологических учреждениях Магадана и на Чукотке. Там же в магаданских лагерях отбывал срок И. К. Баженов. А. Я. Булынников отбывал заключение, работая в геологическом отделе ОТБ-1 (Красноярск). Работая в системе "Енисейстроя", он выполнил целый ряд крупных петрографо-минералогических работ, открыл месторождение золота "Находка", флюоритовые рудопроявления (месторождения "Вершинки Уйбата") и др. М. И. Кучин, отбывая срок, также трудился в системе "Енисейстроя" по инженерно-гидрологической специальности. В. А. Хахлов отбывал срок в Норильском лагере, вначале на общих работах, затем был переведен на работу под конвоем в Геологическом управлении геотехником в группу, занимавшуюся подсчетом запасов Кайерканского месторождения. Позднее заведовал организованной по его инициативе палеонтологической лабораторией. Организовал постоянно действовавшие курсы для геологов полевых партий, где изучались палеоботаника и стратиграфия северо-запада Сибирской платформы. В 1949 г. аресты по упомянутому выше "красноярскому делу" коснулись и ряда других крупных геологов в Москве, Ленинграде и других городах, всего около 30 чел. Во время допросов скончался акад. АН

СССР И. Ф. Григорьев, а известный палеонтолог, специалист по региональной геологии азиатской части страны, член-корреспондент АН СССР А. Г. Вологдин после приговора отбывал лагерный срок до 1954 г. на Колыме, работая в геологической службе [7].

Примечательно, что в эти же годы в Геологическом управлении "Енисейстрой" МВД СССР работал другой известный геолог, в последующем член-корреспондент АН СССР И. В. Лучицкий. Человек с не менее драматической судьбой, он находился в немецком плену с 1943 по 1945 гг., после освобождения из которого прошел стандартную для того времени процедуру "проверки" в проверочно-фильтрационном лагере. Возвратившись в Институт геологических наук АН, откуда он призывался в армию, Лучицкий в 1949 г. был фактически мобилизован для укрепления геологической службы в "Енисейстрое" (специальным решением АН он вместе с рядом других геологов обязывался выехать для работы в Красноярск), где трудился в должности начальника Центральной петрографо-минералогической лаборатории, затем главным геологом Красноярской тематической экспедиции Геологического управления "Енисейстрой". Проведенные под его руководством детальные исследования и подсчет запасов ряда месторождений нефелиновых руд сыграли важную роль в строительстве Ачинского глиноземного и крупнейшего в стране Красноярского алюминиевого комбината. Вернуться к научно-преподавательской деятельности Лучицкий смог только после реорганизации "Енисейстрой" и передачи геологической службы гражданским ведомствам после 1954 г. [8].

То же Геологическое управление "Енисейстрой" на несколько лет стало местом пребывания "не по своей воле" и для другого известного геолога К. В. Боголепова. После окончания Высших геолого-разведочных курсов в Ленинграде в 1932 г. подвергся аресту и был направлен отбывать срок на Дальний Восток (БамЛАГ), в дальнейшем работал геологом на стройках ГУЛАГ. В 1949 г. последовал новый арест и направление в Красноярский край для работы в геологических партиях. С 1961 г. начал работать в Сибирском отделении АН СССР, в 1981 г. избран членом-корреспондентом АН [9].

Один из известных отечественных географов Г. Г. Григор, исследователь природы Кавказа, после ареста в 1934 г. и заключения в СибЛАГ был в 1935 г. досрочно освобожден. Получив разрешение продолжать научно-педагогическую деятельность, направлен в Иркутск, где вел исследования на Байкале и в Прибайкалье. С 1938 г. в Томском университете, где явился организатором географического факультета и зав. кафедрой физической географии более 20 лет. Под его руководством было разработано комплексное физико-географическое районирование Западной Сибири (1961) [10].

Сибирский период стал завершающим в жизни профессора географии А. Л. Рейнгарда, работавшего и преподававшего в Ленинграде. В 1941 г., будучи прикомандирован для работы в Северо-Кавказском геологическом управлении, был выслан вместе с немцами-колонистами в Томскую обл., где находился в статусе спецпереселенца, в 1942 г. принят профессором в Томский университет, умер в 1945 г. Также в статусе спецпереселенца (состоял на спецучете до 1954 г.) пребывал и сосланный в 1941 г. известный специалист по изучению немецких диалектов Поволжья А. П. Дульзон. Работая в томских вузах, он стал впоследствии одним из ведущих сибирских лингвистов. За фундаментальный труд "Кетский язык" он был удостоен в 1971 г. Государственной премии СССР [11].

За трехлетний период своего пребывания в ссылке (1924-1926 гг.) Т. П. Кравец, став заведующим Иркутской сейсмологической станции, поднял на новый уровень ее работу. В новой для себя области геофизики (специалист в области физической оптики, член-корреспондент АН СССР с 1943 г.) он провел ряд разнообразных исследований, в т. ч. по

изучению сейш (стоячих волн) на Байкале и распространения их по Ангаре. С ареста в 1935 г. и высылки из Ленинграда в томскую ссылку (1936-1938 гг.) начался сибирский период деятельности известного физика-теоретика Д. Д. Иваненко, продолжавшего в СФТИ свои исследования по квантовой теории поля. Высланная в 1935 г. в ходе "чистки" Ленинграда также в Томск Н. А. Прилежаева, ученица акад. А. Н. Теренина, положила начало томской школе спектроскопистов, проработав в ТГУ до конца жизни [12].

Громадный урон развитию отечественных гуманитарных исследований был нанесен в связи с фальсифицированным "Академическим делом", в ходе которого арестам, заключению и ссылке подверглись с конца 1929 г. виднейшие ученые страны. Часть из них отбывала сроки своей ссылки в Сибири в первой половине 1930-х гг.: член-корреспондент АН СССР С. К. Богоявленский работал сотрудником Западно-Сибирского краевого архивного бюро в Новосибирске (1930-1933 гг.), А. И. Яковлев работал сотрудником Мартыановского музея в Минусинске (1930-1933 гг.) (обоим затем разрешили вернуться к научной деятельности), а С. В. Рождественский, будучи сослан в Томск, скончался там в 1934 г. В связи с этим же "делом" аресту подвергались и такие известные исследователи Сибири, как историк С. В. Бахрушин (после ареста отбывал ссылку в Семипалатинске в 1931-1933 гг.), антрополог, археолог и этнограф С. И. Руденко (отбывал заключение на Беломоро-Балтийском канале в 1931-1934 гг.) и палеоботаник А. Н. Криштофович (член-корреспондент АН СССР с 1953 г.) [13].

Среди директоров институтов Западно-Сибирского филиала АН СССР трое в разные годы подвергались репрессиям: Н. А. Чинакал (директор Горно-геологического, далее института горного дела отбывал заключение в 1928-1933 гг.), В. В. Ревердатто (директор Медико-биологического института, находился в заключении в 1937-1939 гг.), Ю. Б. Румер (директор Института радиофизики и электроники, находился в заключении, затем в ссылке с 1938 до 1950 г.; в 1950 г. по ходатайству акад. Л. Д. Ландау и др. ему был разрешен переезд в Новосибирск для работы в ЗСФ АН) [14].

Среди членов АН СССР, работавших (и работающих) в Сибирском отделении и подвергшихся прямым государственным репрессиям (обвинялись по печально знаменитой ст. 58 УК РСФСР), помимо уже упоминавшихся выше горняка Н. А. Чинакала и геолога Ф. Н. Шахова, следует назвать также механика, члена-корреспондента Н. А. Желтухина (после ареста в 1938 г. отбывал срок заключения сначала в лагере, затем с 1939 г. в особых (специальных) конструкторских бюро, "шарашках", где работал под руководством будущего акад. В. П. Глушко), а также историка, академика Н. Н. Покровского (находился в тюрьме, а затем в лагерях с 1957 по 1963 г.) [15].

В этот ряд необходимо включить геохимика, член-корреспондента Е. В. Пиннекера, находившегося с семьей на спецпоселении в Томской обл. с 1941 г. Фактор репрессии родителей не мог не отразиться в различной степени на жизненной судьбе целой группы известных ученых Сибирского отделения (акад. В. А. Коптюг, братья В. А. и Ю. А. Кузнецовы, В. М. Матросов, Г. А. Месяц, Л. В. Таусон, чл.-кор. В. Н. Авдеев, В. Г. Дулов, Л. М. Горюшкин).

Репрессии в конечном счете не были и не могли быть фактором, позитивно влиявшим на развитие и укрепление научно-образовательного потенциала в восточных регионах страны. Играя роль принудительного регулятора процесса деконцентрации научных кадров путем "закрепления" ученых на разные сроки заключения или ссылки в Сибири, государственные репрессии оставались прежде всего инструментом внутренней и только во вторую очередь научно-технической политики. Определенные и ожидаемые результаты научно-образовательная деятельность репрессированных ученых приносила там, где они попадали в

соответствующую их уровню научную, вузовскую или производственно-техническую среду или где имелись социально-культурные условия для ее формирования. В любом случае триумфы и трагедии отечественных ученых в XX в. были противоположными сторонами существовавшего феномена государственного патернализма.

[*] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-01-01351а)

[1] См. об этом подробнее: Кислицын С. А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов-на-Д., 1993; Академическое дело 1929-1931. СПб., 1993. Вып. 1; СПб., 1998. Вып. 2; Перченков Ф. Ф. "Дело Академии наук" и "Великий Перелом" в советской науке // Трагические судьбы: Репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 201-235; Он же. Список членов АН СССР, подвергшихся репрессиям // Там же. С. 236-252; Репрессированные геологи. 3-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 1999; и др.

[2] О дискриминациях и репрессиях в отношении научной интеллигенции Сибири см.: Красильников С. А., Сергеевых Г. П. Ученые и политический режим в 30-е годы (по материалам Западной Сибири) // Кадры науки советской Сибири: проблемы истории. Новосибирск, 1991. С. 121-135; Соскин В. Л. Ученые Сибири в фокусе дискриминации (20-е гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири. Новосибирск, 1994. С. 61-96; Кликушин М. В. Летопись арестов: научная интеллигенция Сибири в годы сталинских репрессий // Дискриминация интеллигенции... С. 96-122; Кузнецов И. С. Сибирские "кондратьевцы" в годы "великого перелома" // Там же. С. 150-181; и др.

[3] Пинкин В. И. Ссылные // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 260.

[4] Ильин Р. С. Об условиях нахождения нефти в Западно-Сибирской равнине // Вестник Зап. Сиб. геол. треста. 1936. № 3. О его роли в постановке проблемы нефтеносности Западной Сибири см.: Крылов Г. В., Завалишин В. В., Козакова Н. Ф. Исследователи природы Западной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 183-184.

[5] 1936-1937 гг. Конвейер НКВД. Из хроники "большого террора" на томской земле: Сб. док. и мат. Томск; М., 2004. С. 360-362.

[6] Примечательно, что сам Н. А. Чинакал на протяжении сталинского и даже хрущевского периодов в своих служебных автобиографиях не ставил под сомнение своей "вины" и правомерности осуждения. Так, в тексте 1944 г. он кратко сообщал, что разделял взгляды "старого инженерства", затем своим трудом в Сибири оказал помощь угольной отрасли Кузбасса (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 4 а. Д. 370. Л. 12 об.-13). В 1958 г. он лишь позволил себе наметить оборонительную позицию. Указывая свою успешную работу по развитию Донбасса в 1920-е гг., он заключал: "Тем не менее я был в 1928 г. арестован по Шахтинскому делу... Так я, молодой беспартийный специалист не смог разобраться в окружающем. В 1930 г. я был направлен на постоянную работу в Новосибирск" (Там же. Л. 15-16). В автобиографии, написанной за год до кончины, в 1978 г., он возлагал вину за случившееся с ним на русскую эмиграцию: "...вследствие провокаций со стороны старых хозяев я был арестован и привлечен к ответу по Шахтинскому делу в 1928 г." (Там же. Л. 20).

[7] Профессора Томского университета: Биограф. словарь. Томск, 1998. Т. 2: 1917-1945. С. 37-43, 66-70, 254-259, 484-487; Беляков Л. П. "Красноярское дело" // Репрессированные геологи. С. 422-427.

[8] Архив РАН. Ф. 411. Оп. 4 а. Д. 421. Л. 13 об.

[9] Репрессированные геологи. С. 42. Рекомендую К. В. Боголепова для преподавания в НГУ в 1962 г., И. В. Лучицкий отмечал: "Своими исследованиями К. В. Боголепов завоевал всеобщее признание и авторитет геолога широкого профиля и высокой научной культуры" // Архив НГУ. Личное дело К. В. Боголепова. Л. 8.

- [10] Крылов Г.В., Завалишин В.В., Козакова Н.Ф. Исследователи природы Западной Сибири. С. 109.
- [11] Профессора Томского университета. Т. 2. С. 370-372; Томск, 2001. Т. 3: 1945-1980. С. 141-145.
- [12] Профессора Томского университета. Т. 2. С. 155-159, 356-362.
- [13] См.: Перченков Ф. Ф. "Дело Академии наук" и "Великий Перелом" в советской науке // Трагические судьбы... С. 201-235; Он же. Список членов АН СССР, подвергшихся репрессиям // Там же. С. 236-252; Профессора Томского университета. Т. 2. С. 377-381.
- [14] Новосибирск: Энциклопедия. Новосибирск, 2003. С. 734, 746.
- [15] Там же. С. 304, 681.